

Нити любви

РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

М а т ь я н а
Т Р О Н И Н А

д Е Т И К О М Н Е

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Редактор серии *Валерия Горюнова*

Художественное оформление серии *Елены Куликовой*

Тренина, Татьяна Михайловна.

Т73 Лети ко мне : роман / Татьяна Тренина. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-197189-2

Жизнь скрипачки и танцовщицы Карри напоминала сон — нескончаемая череда выступлений перед скучающей публикой, а все остальное время девушка посвящала заботам о больном отце. Но однажды на Карри обратил внимание фармацевтический «король» — Северин Ромашин. В лаборатории Северина ученые пытаются создать необычное лекарство, обладающее уникальными свойствами. Правда, оно будет доступно лишь избранным, тем, кто готов заплатить за него огромные деньги. Но зачем Ромашину в его экспериментах так нужен бывший летчик Алекс? Или дело не в нем, а в свойствах особой крови, которой обладает Алекс... Северин готов подарить Карри безбедное существование, но об этом ли она мечтает на самом деле? Древние легенды оживают в современном мире, что победит — любовь или жажда денег и власти?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тренина Т., 2024
© Оформление.

ISBN 978-5-04-197189-2

000 «Издательство «Эксмо», 2024

Над большим городским прудом в золотистых апрельских сумерках кружился огромный черный дракон, красивый и одновременно страшный — своей матовой, глубокой чернотой, которая буквально «всасывала» в себя остатки вечернего света.

Дракон то взлетал, то опускался ниже, изгибал шею и хвост, как будто рисуя ими причудливые иероглифы, а его огромные крылья почти закрывали небо. Время от времени дракон изрыгал пламя — нестерпимо яркое, красновато-оранжевого, с оттенками рыжего, цвета. Пламя шло мощной струей, конец которой разлетался снопом изящных завитков.

Тогда зрители на берегах пруда издавали торжествующие крики, хлопали в ладоши, свистели одобрительно.

Зрелище это привлекло столько народу, что Карри теперь едва протискивалась сквозь толпу. На самом деле она была не Карри, а Карина, но отцовское прозвище намертво прилипло к ней. Ее уже все так звали — и близкие, и в соцсетях, и на афишах тоже писали — «Карри».

Но она не пожалела, что сегодня отправилась именно этим маршрутом, иначе бы так и не увидела дракона. Свободного времени у Карри не было. Работа и уход за отцом, работа и уход...

Жители и гости большого города давно привыкли к тому, что все вокруг меняется — улицы, площади, дома, парки, стремительно разрастаются линии метро... Но к уличным голограммам еще не все успели привыкнуть, это новое городское «украшение» собирало толпы любопытствующих.

«Как живой!» — вздрагивая от криков вокруг, подумала Карри. Она не отрывала взгляда от черной голограммы над прудом.

Дракон выглядел абсолютно реальным, причем со всех сторон и со всех ракурсов — это достигалось с помощью 3D-эффекта.

Не так давно в разных частях города появились объемные голограммы. Дракон — вот здесь, над прудом; еще огромный супергерой из какого-то нового блокбастера по мотивам компьютерной игры теперь зависал по выходным над рекой, протекающей через город (одной ногой на одном берегу реки, другой на другом), отчего речные трамвайчики проходили как раз между его ног. А следующая голограмма изображала былинного богатыря и вальяжно «прогуливалась» по центральной площади.

Поначалу голограммы пугали население, в соцсетях много спорили — разумно ли подвергать население подобному стрессу... Не всякому человеку может понравиться, что где-то на улице, а то и прямо за окном мельтешит какая-то огромная фигура.

Были звонки в скорую и в полицию, репортажи с испуганными горожанами, но любопытство и тяга к зрелищам перевесили людские страхи.

Теперь активные граждане из разных уголков города требовали, чтобы своя голограмма появилась и в их районе.

Дети обожали голограммы — особенно с тех пор, как появились небольшие мобильные проекторы, которые можно было установить в любом дворе, актовом зале, да и просто в комнате.

Сказочные 3D-персонажи стали завсегдатаями детских праздников и выпускных. Вот сколько длится праздник — столько и «работает» арендованная на время голограмма.

Но уличная городская голограмма — пока еще редкое удовольствие, к тому же требующее согласований, хотя никто не исключал, что подобные голограммы, возможно, скоро заполнят многие площади и скверы.

Потому что они, эти проекции, обходились дешевле, чем установка монумента из мрамора или гранита. В любой момент голограмма выключалась; одну виртуальную композицию, висящую в воздухе, без проблем заменяли на другую, и никаких специальных работ при этом проводить не требовалось.

Карри же сегодня впервые увидела 3D-голограмму дракона столь близко.

Оказалось, что это жуткое, прекрасное и завораживающее зрелище...

Люди всю историю человечества испытывали интерес к драконам, но лишь теперь эти сказочные су-

щества ворвались в повседневную жизнь буквально. Вон же он — висит в воздухе почти рядом...

Жаль только, что на таком драконе нельзя пока- таться, нельзя прикоснуться к нему — ведь это всего лишь проекция. На самом деле нет никакого летаю- щего чудовища, и сноп искр из его пасти — не насто- ящий, он не в состоянии зажечь и спичку.

Тем не менее Карри очень понравился этот ма- тово-черный ящер, иногда косящийся на зрителей янтарным глазом с узким зрачком. В этом существе чувствовалась грация и сила... Недаром же в фэнте- зи драконы могли превращаться в людей. В мужчин, например. Фэнтези с главным героем-драконом поль- зовались среди зрительниц и читательниц популяр- ностью.

Карри не являлась поклонницей фэнтези, она не находила ничего привлекательного в историях о вол- шебных мирах, где рассказывалось о принцессах и страшных чудовищах, которые иногда превращают- ся в прекрасных мужчин.

Это же выдумка. Это сказка. А сказки не имеют ни- какого отношения к реальности — к этому миру, к это- му городу, к людям вокруг. К жизни самой Карри.

А влюбиться в дракона (даже в человеческой его ипостаси) — ну это вообще что-то невозможное, глуп- ое и даже извращенное...

Карри выбралась из толпы, добежала до пере- крестка, затем свернула налево. Одна улица плавно перетекла в другую, а там уже подземный переход вел к следующей. Улицы сплетались в тугую паутину, роскошные фасады сменялись задними дворами,

прячущими изнанку большого города: там теснились мусорные контейнеры и высились островки строительного хлама, который вывезут теперь уже только ночью... И трубы, много труб самого разного диаметра и размера. Из вентиляции неслись соблазнительные ресторанные ароматы, иногда на задний двор выскакивал кто-то из обслуживающего персонала — уборщица с полными мешками спешила к мусорным контейнерам или повар выходил на короткий перекур и устало падал на скамейку у запасного выхода...

Карри свернула в очередной двор, где с грузовика рабочие доставали ящики с товаром и вереницей спускались с ними в подвал ресторана. Того самого, в котором работала и Карри.

А вот и незаметная дверь с надписью «Служебный вход».

Карри приложила к считывающему устройству на двери свою карточку, затем вошла внутрь помещения, поздоровалась с вежливым и всегда очень внимательным охранником, который знал весь здешний персонал в лицо.

Далее Карри оказалась в просторном полутемном холле-атриуме под стеклянным куполом; в холле за мерцающей слюдяными чешуйками стойкой сидела Вера, официально носившая звание администратора, а по сути, девушка выполняла обязанности секретаря на ресепшене, распорядительницы, менеджера, решала все мелкие вопросы... Может быть, именно оттого, что ей постоянно приходилось быть начеку и быстро решать самые разные проблемы, Вера всегда выглядела немного замученной.

Вот и сейчас Вера устало улыбнулась Карри, помахала ей издалека. Карри махнула в ответ и скрылась в ближайшем коридоре, где в одном из помещений располагалась ее гримерная.

В этом ресторане правила для работающих здесь были и простыми, и сложными одновременно. На первый взгляд — полная свобода и непринужденность, а вот если присмотреться — то сотрудники вели себя в строго очерченных рамках, не позволяя себе ни лишних слов, ни лишних движений.

Персоналу не возбранялось появляться там, где ходили клиенты, никаких запретных зон не существовало, но за пустую болтовню и несделанную вовремя работу увольняли.

Хотя, в сущности, Карри — не совсем обслуживающий персонал.

Она исполняла перед посетителями ресторана музыкально-танцевальные композиции. Кроме Карри на здешней сцене выступали и другие музыканты. Иногда вечерами играл небольшой джазовый оркестр, еще сюда приходил импровизировать известный саксофонист.

В этих стенах не звучало никакого шансона, попсы, и уж тем более на сцену не выскакивали с плясками и визгом полуголые девицы в бикини...

Поскольку основными посетителями ресторана являлись небедные и, что называется, «продвинутые» люди, владельцы ресторана сделали ставку именно на них. Пьяных скандалов тут почти не случалось, а если они и происходили, то скандалистам вход сюда был уже закрыт.

Это место — клуб, клуб для своих, но без жестких правил и иерархии. Место для умных, «тонких» людей. Жены богачей не беспокоились за своих мужей, решивших посетить это место без них, — сюда не приходили с девицами легкого поведения, здесь не «снимали» и не знакомились (если только между собой, на равных, что называется), здесь не было так называемых «номеров», здесь не играли тайно в азартные игры и не употребляли запрещенные вещества.

Об этом ресторане шла слава как о тихом, спокойном и очень достойном месте, где отсутствовали пошлость и эпатаж — в интерьерах, обслуживании, названиях подаваемых блюд и музыкальной программе. Здесь можно было перекусить, не тяготясь окружением, в отличие от других модных и известных мест, пообщаться с друзьями либо провести за столиком какие-то неформальные переговоры — но именно неформальные, поскольку закрытых зон здесь не существовало.

Конечно, здешняя простота и доброжелательность являлись чисто внешними, но для многих постоянных посетителей и одного этого уже хватало. Сюда шли за «атмосферой», и шли именно те, кто понимал правила игры и мог легко следовать им.

Люди «с улицы» сюда попасть не могли, поскольку этот уголок окружали со всех сторон шлагбаумы, а рядом с ними стояли приветливые, но непреклонные охранники, да и таблички с надписями «Прохода нет» издавала отпугивали незваных гостей, столики тоже резервировались заранее и только постоянными клиентами.

...Карри переделалась в бело-розовое платье (отрезная талия, короткая пышная юбка до колен), заколола волосы повыше, закрепив пряди специальными «крабиками» с маленькими атласными бантиками. На ноги — пуанты розового цвета и с розовыми же лентами, завязанными тоже в банты.

Получился образ на грани, невинный и порочный одновременно... Этого и требовалось — люди пугаются откровенного эпатажа, но зато любят небольшие провокации.

Уже третий вечер Карри выступала здесь не в закрытом помещении, а на летней веранде, поскольку конец апреля радовал неожиданным теплом.

Карри взяла в руки электроскрипку (тоже необычной, провокативной формы, напоминающей резной лук для стрельбы) и покинула гримерную.

В одном из помещений вскочила на помост, нажала на кнопку, и вместе с круглой тумбой и изящным стулом неподалеку помост (он же сцена) поехал в сторону занавеса, состоящего из сплошных лент.

Еще пара секунд — и вот уже Карри, стоя на помосте, оказалась на улице, во внутреннем дворике ресторана, перед большой летней верандой, замощенной разноцветной плиткой. Уже сгущались весенние сумерки, и пространство дворика освещали огни светильников.

Здесь под стеклянным навесом за столиками ужинали посетители.

На появление Карри вместе с движущейся сценой никто не отреагировал, так незаметно и тихо работали механизмы. А Карри взмахнула смычком и едва слыш-

но начала играть знакомую всем мелодию из цикла Вивальди про времена года.

Только это был не совсем Вивальди, Карри исполняла музыку, что называется, «в обработке». Играла нечто знакомое, но приближенное к сегодняшнему дню, видоизмененное... Непростой публике требовалось что-то новое, другое, неожиданное, а не знакомая классика, казавшаяся некоторым привередам теперь почти той же попсой — от слишком частых исполнений. Но и новомодных мелодий никто не рвался слушать. Какой выход у музыканта? Исполнять кавер-версии известных мелодий.

Вот Карри и исполняла на скрипке свой вариант «Времен года».

Поначалу Карри почти не двигалась, работая лишь той рукой, в которой держала смычок. Но постепенно ее тело стало оживать, двигаться. Карри играла на скрипке и выполняла танцевальные па. Наклоны, повороты. Временами Карри поднималась на пальцы ног, как балерина.

Мелодия звучала громче, движения Карри становились все размашистей, ее танец все больше напоминал своеобразный балет.

На публику Карри не смотрела, она косилась лишь на свое отражение в зеркальной витрине сбоку. Наблюдала за собой, своими чуть заторможенными, равными движениями.

Карри видела перед собой игрушку. Куклу. Хорошенькую механическую куклу, вертящуюся на одном месте, танцующую и играющую на скрипке одновременно.

Танец Карри, ее наряд, та мелодия, что она исполняла, — работали на этот образ.

Но иногда, поворачиваясь, Карри все же позволяла себе наблюдать за посетителями, которые сидели за столиками. За спинами гостей мелькали официанты с подносами, чуть дальше за мраморными колоннами соседнего здания была открыта обзору часть улицы...

Впрочем, эти картины не вызывали у Карри особого интереса, она больше следила за своими движениями и той музыкой, что исполняла.

Отец когда-то говорил, что она, Карри, страдает ерундой. Разбрасывается. Ведь надо выбрать что-то одно — либо танцы, либо игру на скрипке. Да еще дочь и вокал взялась изучать, и акробатику зачем-то!

Надо ведь сосредоточиться на каком-то одном занятии... Недаром же есть пословица: за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь. Так рассуждал отец.

А Карри хотелось всего и сразу.

Они с отцом постоянно спорили. Не скандалили и не ссорились, и то хорошо. Но эти споры выматывали Карри, она и в жизни чувствовала себя куклой — механической игрушкой без чувств и желаний.

Еще отца раздражало, что у Карри нет постоянного места работы, а есть одни лишь «подработки». Он рассуждал так: приличные девушки должны выступать с ансамблем или в труппе какого-нибудь театра, а не развлекать в одиночку ресторанный публику. В тридцать один год дочери уже пора сделать хоть какую-то карьеру... А у Карри ни диплома нет (одни курсы какие-то, и даже музыкальную школу дочь тол-

ком не закончила), ни уважаемой профессии, ни перспектив. И ни в один коллектив дочь не сумела вписаться.

И хорошо, если Карри приличного жениха себе найдет, но и с этим тоже проблема: дочь — дикарка и интроверт, не способная общаться с людьми и завязывать отношения. К тридцати одному году опять же — всего два коротких романа!

Отец всерьез предполагал, что Карри закончит свою жизнь одинокой старой девой, да еще и в нищете. Что будет с дочерью, когда он умрет?! Страшно представить. И что, неужели в том «кабаке», где выступает вечерами дочь, нет ни одного приличного мужчины, с которым можно познакомиться? — недоумевал он. «Нет, папа, таких мужчин там нет!» — отвечала она отцу.

...Карри, не переставая играть на скрипке, легко вскочила на круглую тумбу, что стояла на сцене.

Тумбой можно было управлять, она крутилась вокруг своей оси то быстрее, то медленней. Карри вертелась на ней, продолжая музицировать, и краем глаза все-таки косилась на сидящих на веранде. Теперь люди за столиками не отрывали от артистки глаз, иногда с одобрением кивали. Кто-то и вовсе забыл о еде и о беседе.

Карри не интересовали эти люди, ее волновала только их реакция на ее выступление. Они все чужие в том зале, зачем о них думать, ждать от них чего-то? У них своя жизнь, у Карри своя.

Хотя вон тот мужчина, что сидел за столиком слева, — уже успел запомниться Карри. Она видела этого

человека несколько раз. Не запомнить его сложно... Он слишком экстравагантный. Вычурный, необычный.

Этот человек — с грацией артиста, что ли... а вот его возраст? Мужчина на вид и не молодой, и не старый. Его длинные белые волосы зачесаны назад, часть удивительно прямых прядей переброшена на грудь... И у него густые черные-черные брови. Прозрачные светло-серые глаза. Или тоже черные? Синие?! Нет, серо-синие, похоже. Четко очерченные скулы выделяются на лице... Как будто что-то восточное временами отдаленно мелькает в чертах этого человека, но потом вдруг отчетливо проступает откровенно европейский тип внешности.

У этого мужчины широкие плечи и узкая талия. Руки... как красиво эти руки управляются с ножом и вилок! Рубашка то ли темно-зеленого, то ли темно-синего цвета, как тот край неба, что нависает над стеклянным куполом.

Мужчина привлекал Карри неувимой сказочностью, исходящей от его облика. Впечатление от гостя — как от эльфа из фильма в жанре фэнтези, наверное? Да он не просто эльф, а король эльфов — вот он кто. Слишком прекрасен. Эта история хороша опять же для фэнтези, но не для этого мира.

Мужчина теперь уже постоянно поглядывал на Карри, а иногда буквально не отрывал от нее взгляда, когда она исполняла особо сложные па.

Этот мужчина любит искусство, он знает толк в музыке, он понимает, как это сложно — играть на скрипке и танцевать одновременно? Ему нравится зрелище или она сама, Карри?

Теперь ей казалось, что она видела этого мужчину и много-много раньше, просто не особо зацикливалась на мыслях о нем. А в последнее время гость буквально перед сценой садился — вот потому и врезался, в конце концов, в память Карри.

И он сейчас смотрел на нее так, как мужчина смотрит на женщину, которая ему нравится. Или Карри это опять только кажется?

Ну не настолько же она бесчувственное создание, чтобы не понимать происходящее вокруг себя, не понимать людей вообще?

У Карри имелась странная, довольно редкая особенность характера. Если ей кто-то нравился (пусть оно и случалось нечасто), то она не терялась, а, наоборот, концентрировалась и выкладывалась по полной.

Вот и сейчас она чувствовала азарт и то, как адреналин выбрасывается ей в кровь.

Карри играла на скрипке и выделявала невероятные пируэты, в один момент даже сделала сальто — и тем вызвала бурное оживление среди зрителей.

...Акробатике ее учил один старый циркач — словно копия тех отвратительных клоунов, что иногда рисуют в злых карикатурах.

Низкорослый, приземистый, лысый старик с суставами, которые напоминали шарниры, а руки и ноги обладали способностью изгибаться в любую сторону. Он был прекрасный преподаватель, тот цирковой акробат, хотя выгоняли его отовсюду, откуда только можно — за пьянство и пристаивания к женскому полу. Время от времени, забываясь, словно следуя привычке, он позволял себе недвус-

мысленные поползновения в сторону Карри, и тогда она яростно хлестала его по щекам. (Это была его просьба, кстати.)

Старый циркач мгновенно приходил в себя, просил у Карри прощения и продолжал урок как ни в чем не бывало. Рассудком он понимал, что делает что-то недопустимое, но его мужская сущность произвольно вырывалась иногда наружу. Именно в этих случаях акробат просил бить его по щекам. Дрессировка, как у животных. Акробат утверждал, что жесткий отпор действует на него лучше, чем обычные уговоры и нравоучения. Потому что мужчину, в котором кипит тестостерон, словесными увещаниями невозможно успокоить. «Я старый Приап, меня не перевоспитаешь, только если кастрировать», — мрачно заявлял циркач.

Он научил Карри многому, умолял ее всерьез заняться акробатикой («Ты далеко пойдешь, детка!»), но Карри никогда не хотела останавливаться на чем-то одном. Она брала еще уроки игры на скрипке у одного музыканта, училась вокалу — в частной студии, и не понимала, зачем посвящать целые годы жизни обучению в вузе, зубря все подряд — то, что может пригодиться, и то, что никогда не понадобится, а после окончания вуза все равно придется переучиваться заново.

Карри сама выбирала себе учителей, сама довольно быстро находила нужные материалы. Она брала только необходимое, искала только конкретику в источниках информации и безжалостно отсеивала все лишнее. Кому-то действительно требовалось высшее

образование — как некая организующая мозг система, но именно Карри в этом не нуждалась. Ей не требовались знания «вообще».

Отец считал, что романтизма и доброты в дочери нет ни капли. «С виду такая хорошенькая, такая симпатичная девочка... А ведь и вправду кукла бездушная, одни расчеты в голове, слова доброго от тебя не дождешься...» — часто ворчал он.

...Мужчина с длинными белыми волосами и льдисто-синими глазами заворуженно глядел на Карри.

А она тем временем незаметно и быстро подтянула ногой стул, все это время стоявший неподалеку. Перекинула его на крутящийся постамент и встала на пуанты — теперь уже на сиденье стула. При этом, разумеется, не забывая играть на скрипке.

Потом она одной ногой оперлась о спинку стула. Раз — и ловким, незаметным движением чуть качнула стул, и уперлась другой ногой в край сиденья.

Карри теперь балансировала на двух ножках стула. Потом еще одно незаметное движение — и она стояла двумя ногами на спинке стула. Миг — и вот она уже балансировала на спинке стула — на одной ноге, только на кончиках пальцев, продолжая при этом играть на скрипке.

Это был высший пилотаж ее исполнительского мастерства. К таким приемам она прибегала нечасто и лишь по вдохновению. По особым случаям.

Гости забыли о еде, официанты замерли на местах с подносами.

Еще пара секунд невероятной балансировки — и Карри, не выпуская из рук скрипки, спрыгнула вниз,

поклонилась и убежала за занавес. Только там, в отдельном от общей веранды помещении, она смогла перевести дух. Снаружи доносились бурные аплодисменты, громкие голоса и даже одобрителный свист.

Что ж, ей сегодня удалось впечатлить чопорную публику.

И того блондина наверняка тоже.

Карри переделалась у себя в гримерке, отцепила от волос заколки и бантики. Она снова была самой собой — невысокой худенькой барышней со слишком серьезным выражением лица, за которое ее когда-то часто ругал тренер-акробат.

Говорил при этом еще, что публике не нравятся постные физиономии, артист должен всегда сиять позитивом и расточать публике непрерывные «комплименты» (то есть кланяться, улыбаться, посылать в зал воздушные поцелуи, лицом и телом изображая восторг).

Но изображать восторг уже после выступления, за кулисами — как-то уже избыточно, разве нет?

Карри выскользнула из заднего входа ресторана в проулок, где при свете ярких прожекторов рабочие таскали полные контейнеры к мусоровозу.

Только тогда Карри вспомнила о том, что их с блондином из зала разделяет пропасть. Он реально «белая кость», а она всего лишь девушка «из служебного входа» — особа со сложной судьбой и старым капризным отцом на руках.

И вот зачем такая Карри богатому человеку? Разве что из любопытства... Богатые выбирают в пару себе ровню. Значит, если и случится роман между Карри